

В созвездье душ

Записки в связи с 90-летием
со дня рождения Генриха Батца и не только

Начну с материала, который едва не затерялся, попав ненароком в долгий ящик.

В краеведческом музее Саяногорска 1 июня 2008 года мы все, кто знал Генриха Батца, сказали ему своё последнее «прости, прощай...».

Церемонию публичного прощания с Генрихом Батцем деликатно вёл тогдашний руководитель литературного объединения «Стрежень» Юрий Иванов.

Не все успели тогда сказать своё. Большинство молча положили цветы в домовину. Выступающие говорили то, что шло в эти драматические минуты из глубины сердца. Но на диктофон записывала только я. Долг мой придать гласности ту запись как «штрихи к портрету» нашего общего друга, добавлю и что-то своё.

Открывая церемонию прощания, **Юрий Иванов** сказал:
«- Благодаря необычайному желанию творить добро на земле, этот человек сумел развить свои творческие способности. Творческая жилка этой личности была такой силы, была такой высоконравственной заряженностью, что он сумел собрать все свои способности воедино. Я абсолютно уверен, так же, как уверены мои коллеги-литераторы, что полноценного анализа творчества ещё не сделано, и нам предстоит ещё открывать для читателя глубины его творческих свершений, его героев. Показать, раскрыть самое главное, донести эти образы до новых поколений, до нашей молодёжи. Его книги, его творчество, они будут востребованы, уже востребованы.»

Да, в библиотеках остались книги Генриха Генриховича, и не по одному экземпляру! Даритель он был щедрый. На фоне того, что у многих стрежневцев в пору его жизни и одной книги не было, с внутренним удовлетворением встречала я выход каждой книги Генриха, пополнявшими «книжную полку «Стрежня», добавлявшими имидж литературному объединению. «Молодец!» - подумаешь, держа в руках очередное его создание. Таким подарком и праздником для души, например, стал для нас в 1994 году выход книги «Из века в век» с повестью «Северная робинзонада». «Ну, всё, сдал Генрих экзамен «на классика»! – отметила про себя. Стрежневское братство разновозрастное и по ценности трудов разноликое. И как-то - шутя, шутя, но вошло в оборот обыгрываемое в нашей среде выражение - «классики и аксакалы», по-товарищески, любя, признавая чьи-либо успехи. И как-то ясно увиделось: повесть «Северная робинзонада» просится на экранизацию.

«Светло и нежно», «с нежностью и любовью» - подписывал Генрих свои книги, одаривая друзей и читателей.

Светло и нежно думается об этом человеке. В нашей среде это единственная личность, безупречно покорявшая всех. Нет среди стрежневцев человека, кто бы ни любил Генриха, и когда стали выходить его книги, и когда их не было у него.

*« - Он на наших глазах вспыхнул, как звёздочка, даже – звезда, и ещё долго будет гореть, как пример всем нам. Его талант раскрылся здесь, в Саянах, на наших глазах. Всё, что он делал, он всегда доводил до конца. Стал писать картины – стал художником. Занялся литературой – стал большим, - я считаю его большим, настоящим – писателем, - сказал тогда **Владимир Балашов**, подчеркнув, что это «человек, который очень любил жизнь».*

- Настолько любил, что дай бог каждому из нас так её любить. Обычно с возрастом как-то не любят дни рождения, считая, что они подчёркивают возраст и старость. А он собирал друзей, собирал всегда, каждый год, и с таким удовольствием встречал всех, радовался. Вот тот пример, который он нам показал – как надо жить, как надо радоваться жизни. Он для многих из нас – не только для его товарищей показал это, но и для молодёжи Саяногорска, Хакасии. Его известность шагнула за Хакасию, его знают во многих уголках – на Севере, на юге, там, где он бывал, куда попали его книги»

Друзья Генриха по «Стрежню» ежегодно затевали поездку к нему в Очуры в день его рождения. И так сложилось, что первоначально только день рождения Генриха стрежневцы и отмечали, помня о дне 22 января. Мне как-то не удавалось присоединиться. Но вот и я побывала в его доме.

Первое впечатление – и дом его дышал обаянием. Наверное, ощущение комфорта вызвало первое, что увидела – деревянная лошадка-качалка. Большая, самодельная, приткнулась в углу коридора – так и хотелось сесть на неё (вот не знаешь, где детство разыграет).

В небольшой, тесноватой даже, комнате – картины. И тут как не распахнуть глаза!

- Северная тематика – и такие яркие краски?

- Такие они и есть на севере – ответил хозяин.

Располагающая кухонька...

Мы – несколько человек, по неременному приглашению хозяина, оказались и за столом (да кто, кажется, здесь только не сиживал! И оставалось в душе человека тепло общения по душам)

Генрих Батц – действительно самое безупречное имя в литературном объединении. Говорил он или молчал, в его взгляде всегда светился ум. Зайди в многоликую стрежневскую аудиторию посторонний человек и поведи взглядом, наверняка, первым, кого бы он отметил про себя, был бы Генрих Генрихович. Такие лица природа не лепит в одночасье, она создает аристократизм поколениями. Именно так, по светлой ауре его лица, выделила я Генриха Генриховича, увидев его впервые в 1975 году, вернувшись в Означенное после полуторагодичного отсутствия и появившись на очередной встрече авторов «Стрежня». В ту пору занятия проходили в помещении редакции газеты «Огни Саян» в Майне. Генрих приезжал из Очур. Наткнувшись взглядом на Генриха, я выделила его из всех присутствующих, решив почему-то, что этот человек – «из заезжих писателей». Скромная его одежда не помешала так подумать.

На церемонии прощания **Олесь Грек**, говоря о личности Генриха Ботца, очертил его характер одним словом: интеллигент. Вот эта интеллигентность сразу и безошибочно угадывалась в нём. Органично присущая, без намёка на рисовку, она располагала к Генриху. Будучи открытым, без маски, он темнее менее оставлял и ощущение неразгаданности. Глубина натуры, вот что стояло за этим. Человек многогранный, и вряд ли у кого было о нём всестороннее представление, да и до сего дня не сложилось всеобъемлющее мозаичное полотно его жизни – долгой и плодотворной.

И вот в скромном зале музея перед нашим другом звучали прощальные речи, не восполняя, но всё же как-то вытесняя чувство осиротелости, напитывая канву памяти.

... **Людмила Растащёнова**... Председатель республиканского комитета профсоюза работников культуры. Здесь она уже не в качестве журналистки, по роду профессии познакомившейся когда-то с Генрихом Батцем. Оговаривается, что имеет поручение выступить и от министерства культуры республики. В бытность её работы на республиканском телевидении саяногорцы хорошо знали её по авторским программам, отработанным с профессиональной глубиной в своём стиле.

Только по моей просьбе её стараниями было сделано несколько передач о стрелковцах, все её рассказы о людях бывали исчерпывающе интересны. О Генрихе, можно сказать, вообще снят фильм. Смотришь теперь на эти кадры и щемит сердце. Вот живо он отвечает на вопросы, играет мимика, а в заключительных кадрах снят он со спины, шагает по наметённому сумёту, всё удаляясь, - пронзительная сцена, как-то мистически олицетворяющая пребывание человека на земле. Те кадры, наверное, вспомнились и самой Людмиле Васильевне, заговорила со слов:

- Генрих Генрихович был любимым героем для многих журналистов, с ним легко и интересно было общаться. То, что прощание решено устроить в музее – наверное, правильно. Генрих Генрихович, наверное, сам, как «экспонат» исторический, потому что совместил в своей биографии всё, что вместила история нашего государства. Мы вроде все носители времени, но немногим удаётся это время прожить так, чтобы след какой-то явный был. Книжки- наверное, это след, дети, картины – это след... Удавалось ему совмещать в своих романах такую вообще сверхчестность, сверхпорядочность; в жизни доводилось допускать какие-то такие ошибки, за которые потом всё равно ему прощаешь, потому что такой красивый, такой сильный, такой волевой человек, наверное, имел право на эти ошибки и на них нас, наверное, учил.

Я помню большое дерево летним днём, какую-то наливочку за столом, весёлые какие-то разговоры, истории, в глазах этот большой корабль...

У меня всегда ассоциировался Генрих Генрихович с человеком, который твёрдо шагает, стремительно шагает по жизни. И когда мы снимали передачу на берегу Енисея, он рассказывал о своей ссылке, что при всём при том он не держит обиды на государство, для меня было тоже потрясением. Я помню, очень большой снег был на берегу, и он по этому снегу шёл уверенно, умудрялся как-то не проваливаться, и вот сейчас я вспоминаю, что, наверное, как-то символически - не проваливаться по жизни, шагал по любому «насту» крепко. И радовался – встрече с Туруханском, когда был под впечатлением встречи с детьми; тогда, наверное, он впервые как-то откровенно признался, что ему было приятно, что его там помнят, знают, что дети его помнят. Нам остаётся только помнить и надеяться, что внуки – красивые, такие же широкие – чтобы по жизни шли... Просто нам надо держаться вместе.

Да, щемит сердце этот упомянутый Людмилой Васильевной кадр из фильма. И как она права: «Надо держаться вместе»...

Как-то раз за тем, уже упомянутым, кухонным столом, поддерживая тему, сказал Генрих, что рад был, что попал на Север, первоначально-то семью привезли в Сибирь, а Туруханск выбрали по желанию. По его словам, он там многому научился, познавая жизнь.

С наступлением девяностых, когда жизнь выплеснула на поверхность много потаённого в людях, Генриха откровенно не однажды спрашивали, а не думает ли он перебраться на свою историческую (в прошлых поколениях) родину – в Германию? Реакция на закономерное тогда любопытство была вполне определённой, даже, наверное, удивлялся, что его об этом спрашивают, подобных мыслей в голове не носил.

Начавшийся в обществе разброд его искренне поражал: жили все дружно, а тут кого куда понесло – да что же это такое? Эти белые, эти красные, эти ещё какие-то. Наблюдая Генриха в подобных обстоятельствах, так и подумает: что значит – иметь зрелый ум, твёрдый стержень характера, мудрый опыт.

В произведениях Генриха – от ранних, к более поздним, заметна и его творческая зрелость.

О 90-х, шарахнувших по людям во всех сферах жизни, говоря о Генрихе, припомнила, выступая, **Галина Григорьевна Казачинова**, тогда – председатель Союза писателей Хакасии.

- Казалось бы, мы совсем недавно его представляли, пытаюсь к 80-летию издать его книгу. (Речь о книге «Степан Родин»). Мы до этого обращались в Совет Старейшин по награждению Генриха Генриховича и в документах писали: «Талантливый писатель Сибири...». Но мне кажется, мы скромничали. Всё-таки – не Сибири, а другого уровня, и даже – не России. Просто были другие времена, вот с 90-х годов – другие времена, другое отношение к тому, что создают писатели. Когда эту книжку отдали Председателю Совета старейших Владиславу Михайловичу Торосову, он был потрясён, что человек такой судьбы, что вообще в Хакасии такие люди есть, такие талантливые люди, такого масштаба, и запросил его книги, прочитал их. Мы с Ларисой Катаевой подготавливали документы к награждению его орденом «За благие дела». К 300-летию вступления Хакасии в состав России был учреждён такой орден. Говорим об этом с ним у него на кухне, - он таким - не описать, каким взглядом – посмотрел. Он ещё успел, оказывается, водовозом поработать. Я тоже водовозом поработала. Тут уж такие воспоминания пошли! Память-то ещё совершенно светлая, хорошая, подробности прекрасные помнил. И при приёме в члены Союза писателей он тоже – было – так посмотрел... Что-то вот было в нём такое и детское...

....Я всё к чему подвожу – как уже сказали – не оценён, не оценили его труды. Вот плохо с критическим цехом, не только в Хакасии, - во всей России проблема такая.

Переводческий цех тоже не работает. Много чего у литературы не стало – тех основных, ключевых моментов, которые в общем-то работали на писателя.

К моменту прощания с Генрихом Генриховичем, ещё не была изданной рукопись книги «Степан Родин», она увидит свет позже, и, выступая, Казачинова сказала: «Может, сейчас добьёмся, чтобы уже его душа была покойна».

И вот на дворе у нас 2018 год, объявленный в Хакасии годом Генриха Батца, было бы в этом году ему 90 лет. Прошло немало интересных мероприятий по Хакасии, в Саяногорске, послуживших памяти писателя. Моей задачей не является обобщение сделанного. Моя задача – воспроизвести, хотя и запоздало это на целое десятилетие, ещё какие-то «штрихи к портрету» во имя той же памяти о Генрихе. После этой обмолвки перенесёмся вновь в зал краеведческого музея, тогда ещё не преображённого до сегодняшнего вида, в зале вдоль стен стояли стулья, по очереди поднимались присутствующие, из сердца шли слова.

Олесь Григорьевич Грек:

- Сорок лет знакомства с этим человеком дают очень многое понять: что это была за глыба, что это был за самородок земли русской. Но вот время наше всех поставило – последнее время – на испытание. Кто что есть, кто чем казался и кто чем оказался.... Так вот я думаю, что Генрих Генрихович остался тем советским, тем русским интеллигентом –

в полном смысле слова, чего, к сожалению, не скажешь сегодня о большинстве интеллигенции. Вот это был интеллигент, который работал своим умом, который понимал человека, понимал простого человека и всегда был на его стороне. Это сильнейшая сторона его характера. И если мы сегодня говорим – зная, мы говорим – русские немцы, которые проживали с давнего времени в России, - так Генрих Генрихович действительно является российским немцем – с большой буквы. Это патриот России. И во всех его произведениях, - действительно, поражаясь, как показывает он человека. Конечно, дал Всевышний талант, без этого не создашь. Но какая терпеливость, какая работоспособность, какая усидчивость была в этом человеке, который мог охватить своим пониманием, своим виденьем такие огромные пласты жизни. Действительно, это редко кому удаётся. И он имел большую душу. Большая душа в его произведениях. Тот, кто их читал, понимает, что это такое. Хотелось бы, чтобы мы – те, которые слушают, те, которые старшего поколения, сумели своим наследникам передать – нужно прочитать его произведения. Нужно почитать, и ты поймёшь, насколько полезно любому было бы поучиться у этого мудрейшего представителя нашей интеллигенции. То, что палитра его таланта такая огромная, широкая, безусловно, говорило о его потенциале большом.

.... Мы оставляем у себя и сохраняем память о благородном человеке, которую он посеял...

- Хочешь узнать о человеке больше – читай его книги – начал с какого-то изречения сопредседатель Союза писателей Хакасии **Анатолий Султреков**. – В книгах отражена жизнь автора, какие-то частички светлого, что происходят в жизни у него. И вот когда читаешь книги Генриха Генриховича, то постоянно чувствуешь светлую надежду на будущее. И в личной встрече, когда с ним разговаривал, такая сильная энергетика шла! И когда вспоминаешь, что он творчеством начал заниматься поздно, - всё-таки, какая, действительно, у человека сила была большая, успел сделать много. Когда он приезжал в Абакан, заходил в Союз писателей, мы долго сидели разговаривали. «Генрих Генрихович, когда всё успеваете?». И вот в одном интервью у него такая горечь была: «Раньше за издание книги, за труды платили, получали гонорары, и на эти деньги могли купить дом, машину, гараж. А сейчас, чтобы издать свои книги, мы продаём свои дома, машины и гаражи. И то, что было в действительности, – было у Генриха Генриховича в его произведениях. Мы чувствуем, что его герои, которые там встречаются, нам очень симпатичны. Они как бы несут частичку его тепла, той любви к человеку, той энергетике, которая была присуща самому автору. И он часто говорил: своими этими руками сколько я построил по Сибири, сколько я создал! И когда я рекомендую, допустим, читателям Хакасии, когда встречаемся в районах, деревнях с учащимися, со взрослыми людьми, я рекомендую книги Генриха Генриховича, характеризуя его такими словами, что это наш сибирский Джек Лондон. В его произведениях очень красочно, достоверно описывается та суровая действительность, которая присуща нашему краю. Хотя многие герои его произведений живут и действуют в условиях далёкого Севера, но характеры такие же стойкие, такие же жизнелюбивые, как сам автор. Нам они очень понятны, близки, читаешь и восхищаешься их поступками. Те, кто знали автора, просто не могли бы предположить, что он мог бы написать что-то другое, чтобы герои его действовали по-другому: спасовали перед трудностями. И все они несут частичку преданности, любви к своему делу, каким был сам автор. Его книги как бы памятник ему, и люди будут помнить такого человека.

Я недавно был в министерстве образования, там составляли программы для школ, и вот методисты, которые составляли эти программы, говорят, мы просто забывали свою работу, запоем читали его книги и брали образцы для воспитания подрастающего поколения.

Юрий Забелин, работающий при писательской организации, припомнил свои впечатления о недавней брошюре, выпущенной к 80-летию Генриха Батца, в которой была и фотография его молодых лет.

- Смотрит на тебя человек с такой внутренней, я бы сказал, генетической энергией, который знает, что такое жизнь, и знает себе цену. Он сам говорил, по-моему – и не раз, государство бесплатно завезло его на Север, и туруханский север стал его второй родиной. Он стал сыном этого своеобразного региона. Усвоил фольклор, язык, мышление его. У нас и в науке, и в литературе ценится ещё такой жанр как бытописание. Вот в том числе бытописание этого туруханского севера настолько объёмно, глубоко, интересно, единственно в своём роде. Какие-то глубины, так сказать, не охватил и Астафьев, хотя он был там совсем рядом. И это со временем будет ценно. Это, на мой взгляд, какой-то такой исторический вклад. И только обстоятельства складывались не в его пользу. Он как бы для меня повторил подвиг Вячеслава Шишкова и Владимира Арсеньева. Те юность провели, отрочество в европейской части, - один в Сибирь ушёл, - это стало его родиной – Вячеслав Шишков; а другой – на дальний Восток. В определённой степени для меня всё это подвиг. Его эта приключенческая повесть (прим. – «Северная робинзонада»), она так и ложится на экран.

Вот и картинная галерея добавляет к его творчеству... Такое наследие имеет большое будущее.

Говоря о Генрихе Батце, как-то само собой, **Забелин** перешёл и к мысли о литературном объединении. Напрашивалось. Почти четыре десятилетия жизнь Генриха была связана со «Стрежнем», всегда встречали его все как родного. Слушали, спорили, шутили, ждали приезда, ездили к нему, общались по душам, поздравляли с выходом книг, радовались и гордились его успехами. Генрих - часть «Стрежня», его творческое наследие – ни по какому юридическому праву – наследие стрежневское...

И вот она над всеми – горечь сиротства... И Забелин продолжил:

- И в заключение я скажу ещё раз, что такое «Стрежень»... Вот сейчас, понимаете, -

эти дни душевного потрясения... Я вспомнил, что я – был в Томске, Иркутске, Улан-Удэ, знакомился там с писателями. Как такового «Стрежня» - литобъединений нет. И, по-моему, они (прим.: стрежневцы) ещё сами настоящему не оценили, кто они сами есть такие. Ведь на голом месте вдруг возник город, слава богу – с приездом Косыгина тогда.

А сколько городов имею такой же возраст, а литературного объединения такого не имеют.

«Сами не поняли...» - нет, поняли и давно. Разверни сегодня полотно жизни других авторов литобъединения, представь творчество, характеры, вклад их в общее дело, - и приблизишься к пониманию, что же такое «Стрежень». В первые десятилетия его истории было общее осознание, что это коллективный летописец героических дней периода строительства СШ ГЭС, но бежит неумолимое время, а «Стрежень» живёт и действует, и не уменьшились задачи, стоящие перед ним.

Начиная с 90-х и до сего дня, помимо чисто творческих задач, всегда стоящих перед литературным объединением, как-то утвердилась ещё одна, вставшая в полный рост: элементарное человекобережение. Казалось бы: до творчества ли в череде неизбывных проблем? Да - время творчеству, ибо это наша духовная оборона, наш вклад в Движение Сопротивления – скажу обтекаемо – общему Злу.

С каждым возросшим именем набирало литературное объединение свой вес, поднимаясь на вершину 10-летней, 20-летней, 30-летней, 40-летней деятельности... А сегодня, когда возвращаюсь я к старым заметкам, отпраздновано 50-летие деятельности «Стрежня», идёт 53-й год его работы. Это в общем-то уже другая, отдельная, тема, но как не оговориться о ней, коль скоро витала она в воздухе в день прощания с Генрихом Батцем, памяти которого пишутся эти запоздалые строки.

Светло и нежно думается сегодня об этом человеке. У каждого свои воспоминания...

Но, кажется, не обойтись мне без стихотворных строчек, чтобы хоть частично воспроизвести колорит нашей стрежневской жизни. Они писались без замысла быть опубликованными, но сегодня проливают свет на бытовавшую атмосферу, касаясь и Генриха, выберу некоторые. А прежде припомню один из моментов нашей жизни, раскрывающий и позицию Генриха Генриховича Батца по отношению ко всем нам, его товарищам по творчеству.

В один из периодов первых десятилетий «Стрежня» значительно расширился его состав, пополнившись новичками, и как-то стало не хватать для общения традиционных двух часов общей встречи. Поднялся вопрос, не разделить ли на секции прозы и поэзии? Все единодушно были против. Не только потому, что кто-то пишет и стихи, и прозу, а значит приезжать им в Майну дважды в месяц, теряя время. Получилось бы, что с кем-то и не встретишься, что-то пропустишь, а хотелось бы видаться друг с другом.

Тут же поднялся вопрос об учёбе – уделять ли ей отдельное время? Новое пополнение было именно за это – приезжают учиться.

- Я приезжаю общаться! – высказал своё мнение Генрих Генрихович, которого поддержал уже сложившийся костяк. Так «реформа», не начавшись, потерпела крах.

Именно общением и сегодня дорожат стрежневцы, улавливая и понимая, что и в атмосфере общения всегда есть элементы ненавязчивой учёбы. Новичкам нашим, как правило, предлагаются индивидуальные консультации, в которых и толку больше, если есть у них в этом необходимость. Несомненная заслуга литературного объединения – в формировании и поддержании творческой среды.

Одна из моих стихотворных строк говорит прямо: «И если в «Стрежень» ты пришёл, - так оставайся!». Как остался и реализовал способности Генрих Генрихович Батц.

Шутили в «Стрежне»:
Генрих – классик!
И кто ответственен за то,
Что только так, а не иначе
Теперь зовут его в Лито.
Он к слову чуток был, исполнил
Предназначение молвы,
«Из века в век» писал с любовью,
Читая, убедитесь вы.
Успех его делить с ним рады,
К нему напросимся в родство
На случай, если вдруг награда
Грозит ему за мастерство.
Достиг писательских регалий,
А вдруг припомнит – кто и как
Мы все его критиковали,
Вот так и попадешь впросак.
К нему теперь с какого краю
И подойти кому из нас?
Вдруг скажет – я тебя не знаю
И облепиховой* не даст.

... А в этот раз от Кобелькова
Пришел заказ стихи писать,
И я подыскивала слово,
Чтоб было Генриху под стать.
Своё достоинство имело,
Своеобразный колорит,
По теме шло и было смелым

И респектабельным на вид.
На благозвучие – точнее,
И благородным, как душа
Того, кто пишет эпопеи,
Опять бумагою шурша.
Готовит новый том про Север,
А, может быть, уже про Юг,
Откуда замыслы – бог не весть,
Берёт наш знаменитый друг.
В его обители Очурской
Чердачный светится чертог,
И ветер зимний, к ночи гулкий,
Загонит гостя на порог.
Иной же раз – пол-«Стрежня» сразу
За вдохновением несёт,
Чур-чур – от чёрта и от сглазу
И делу доброму в зачёт.
Мирки квартирные померкнут
Пред домом, где приволен дух,
Здесь летних молний пересверки
Бродяжить Генриха зовут.
Здесь ветры зимние навеют
Ему томление души,
И годы замыслы посеют,
Что, точно знаем, - хороши.
Здесь яхта сушит бок железный
В мечтаньях явственного сна,
Опять кого-нибудь из «Стрежня»
Весной на борт возьмет она.

Январь 1995

Генрих мастерски делал настойки

«Стрежень» в Очурах на юбилее Генриха Батца – 21 января 1995

На выездной Очурской встрече
Наш Генрих был программный
гвоздь,
И вдоволь здесь звучали речи,
Имел здесь слово каждый гость.

Нас Генрих встретил у дороги,
Провёл в гостеприимный дом,
Отогревая руки-ноги,
Болтали вольно, кто о чём.

Уже порядком истомились,
Когда доехал литсостав,
Все шумно тут разговорились,
И фото Балашов достал.

Стоит на фото Генрих бравый
И держит рыбу на пол-рост,
Добытчик – он всегда и правый,
Но все же к Генриху вопрос.

Куда девалась эта рыба?
(Ей хвост отпиливал пилой),
А я-то Генриху - спасибо –
Кивнуть хотела головой.

Хотела выразить словами
Спасибо,- если б дали хвост,
И, «Стрежень», поделиться с вами,
По-братски тот решить вопрос.

И он привёз бы нам отведать,
На рыбку пригласил бы нас,
Но с ним на Севере обедал
Наш Балашов – и вот весь сказ.

Куда деваться – руководитель,
Видать, Ахпашевой отвёз,

И как уездный предводитель
Решил по-своему вопрос.

...Но, впрочем, мы его простили
За то, что рыбы не привёз,
И за здоровье Батца пили,
На-и-оранжевейший морс.

Не только пили, но и пели,
Баян у Батца голосист,
Мечтать о том почти не смели,
Но каждый сам себе артист.

На что горазд – старался всякий,
Выводит соло Кобельков,
А Балашов вручает якорь,
Желая Генриху оков.

- Не будь подобен доле птичьей,
Ещё проявишься в стихах,
Моряк, прозаик на отличие,
Да и ещё рисуешь как!

Пора, однако, заземляться,
Когда в искусстве столько уз,
Пришла пора определяться
И дуть в писательский союз.

...Приехал Грек из древней
Майны,
Он Батцу Грамоту вручил,
Сам подписался от Украины,
А прочие – от местных сил.

... Ждала Очурская округа
Тех плясок, а скорее – нет,
Мы были, как всегда, без масок,
Таков на «Стрежне» этикет,

...Задев мотив неосторожно
На литературской волне,
Опять шумели,- это можно
И дозволяется вполне.

Сказать велели дочке, зятю,
Затем и Генриха сестре,
(Оставив спорщикам занятие),
Чего желают Батцу все?

В рассказах их был узнаваем
Характер Генриха вполне,
Талант такой один – и знает
Пусть Генрих: он у нас в цене.

Устал наш Генрих слушать речи,
(Куда деваться – гвоздь стола),
- Ему хвала – как груз на плечи,-
Сказала Генриха сестра.

Сурово Генрих сдвинул брови, -
Мы это видели – в ответ
И стал лицом вдвойне суровей,
Сестра гордилась, Генрих – нет.

Но мы втройне его любили,
Когда его поднялся зять
И всем сказал, что справедливей
И человека не встречать.

Мы в том как раз не усомнились,
Что Генрих именно таков,

И дружно «Стрежнем»
возгордились,
От безыскусных этих слов.

Что наши рифмы? Вот златое
Сказалось слово, наконец!
Когда бы каждому такое,
Ведь каждый – мать или отец.

Жива, жива моя Россия
Душевной этой чистотой,
Что мы как люди проносили
По жизни вовсе непростой.

И у меня першило в горле,
Когда поведала сестра,
Как относился к ней с любовью,
Желая в детстве ей добра.

Заботы сердце гнут, мы знаем,
О, этот кнут – ремень витой!
И сердце от забот сгорает,
Да станет слиток золотой.

За честь сочтем с такими знаться!
Горды, что есть они среди нас!
И в этом Грек успел признаться,
Из-под брови уставив глаз.

... Что интересно: чем длиннее
Выходит творческий рассказ,
Тем больше соли в «эпопее»,
Лукавством светит каждый глаз.

В «Литературной гостиной» Центра детского творчества 23 марта 2000 г. проходила встреча подростков с Владимиром Балашовым. Будучи в группе поддержки, Генрих Батц занимательности ради стал рассказывать о совместном путешествии к Агафье Лыковой, в качестве подарка хотели привезти для её козы – козла.

- Однажды было, мы нашли козла,-
Стал Генрих Батц повествовать историю,
Попутно, к слову, он обрисовал
Всю от Тувы речную экваторию.
- Так, с Балашовым мы везли козла,
(Прибавился герой в повествовании),
А у Агафьи – старая изба, коза -
И нужен был козёл ей для компании.
Летим на вертолёте в гости к ней.
Как без подарка?- Знак доброжелательства...
Мы опросили всех своих друзей
По поводу такого обстоятельства.
Агафья уж готовилась к зиме,
Отшельничеству быт её подобен.
Но говорят нам: вы в своем уме?
Козёл-то есть, но только не способен...
Сейчас способных нет уже козлов,
Бесплодны, как один, по всей округе.
- Так что же будем делать, Балашов?-
Тут вспомнил Генрих, наконец, о друге.
Меж тем, была та встреча для детей,
С писателем встречались Балашовым,
Батц выступал в числе его друзей,
(Заикнулся хотя бы на корове!)
Но нет, в козле не усмотрел он зла...
- Нашли к зиме мы всё-таки такого
Которого одобрила коза...

Краснела борода у Балашова.

25.03.2000 .

Вот привела я эти поэтические строки лет минувших и... разволновалась, невольно погрузившись в те милые сердцу далёкие дни. Нет, ничего никуда оно не ушло, всё в нашей соборной памяти.

В жизни всё рядом: радость и горе, будни и праздники, смешное и драматичное...

Как-то на «Стрежне», ведя о чём-то речь, прозвучали одна за другой две фамилии: Батц, Мышкин... Владимир Фёдорович (и на том ему память) скаламбурил, уловив юмор, смеялся, повторяя по-своему: «Бац! – и Мышкин!» (получился). Всему было место в нашем большом творческом коллективе.

Заканчивая свои записки, приведу строчки, которые персонально никого не касаются, но они обо всех нас, кто проносил и несёт эстафету дел и забот литературного объединения «Стрежень». Пожелаем этому содружеству не прерывать своего пути, а всем его авторам дня сегодняшнего – крепкой и долгой памяти о днях минувших.

Т.Мельникова, руководитель
литературного объединения «Стрежень»
1991 – 1995 гг. 2001 – 2003 гг.
2009 – наст.вр.

... Созвездье душ, оно, порой,
 Не безупречно,
Но ярче свет его от звёздного
 Шатра,
И где-то там, где есть всегда
 Одна лишь вечность,
Хотят побыть чуть-чуть
 У нашего костра.
Мы всё пройдем, хотя порой
 На перепутье,
Мы всё поймём, когда придёт
 Тому пора,
Но вы, друзья, вы и того
 Не позабудьте,
Что было здесь до вас
 Сегодня и вчера.